

ТЕНЬ ФАРАОНА

Диана Ли

Тень фараона

<https://litres.ru/74271844>

SelfPub; 2026

Аннотация

В самом сердце Древнего Египта рождается не просто пленница — но носительница древнего проклятья. Юная Айша отмечена знаком Уаджет, великой змеи, живущей в мифах и снах фараонов. В её крови спит сила, страшнее любой магии: стоит ей дать волю страху — проклятье вырвется на свободу, и Айша станет тем, чего боится весь Египет, — живым воплощением богини-змеи, чья тьма способна поглотить целое царство.

Сдерживает древнюю ярость лишь амулет, питающийся любовью — и хрупкая надежда в сердце самой девочки. Но когда алчный фараон замыкает Айшу в башне и вокруг расцветают дворцовые интриги, ей предстоит сделать невозможный выбор: подчиниться темноте, сделаться чудовищем, или — впервые — осмелиться любить.

«Тень Фараона» — мистическая драма о власти, страхе и той силе, что рождается только в самом сердце нежности. Здесь древнее проклятье может стать даром, а любовь — единственным спасением. Но сумеет ли Айша сдерживать в себе змею, или Египет падёт перед лицом собственной Тени?

Диана Ли

Тень фараона

Глава 1

Маленькое жилище на окраине Мемфиса, затерянное среди тесных домиков ремесленников, в этот день стало тихим убежищем, где всё будто сжалось в тревожном ожидании. За окном — жара и долгий гул города, а внутри, под самой крышей, ходил кругами запах пряностей, дешёвой шерсти и стёртых сандалий.

Айша сидела у дверного проёма, перебирая на коленях тряпичную куклу. Она чувствовала тревогу — какая-то тяжёлая, густая энергия заполнила дом, хотя мать не говорила ничего лишнего. Вещи, привычные и дорогие сердцу, казались сегодня особенно хрупкими: глиняные миски в корзинах, небольшой алтарь, ветхий детский браслет, фигурки богов. В этих предметах хранилась вся их домашняя радость — и растущий с каждым часом страх.

Мать в этот вечер была собрана, молчалива, будто её слова были тяжёлыми камнями, которые нельзя сдвинуть с места. Она не глядела дочери в глаза, а судорожно перебирала в сумке старые лоскуты и что-то крепко прятала в складках одежды.

С утра в квартале жёны и торговки обменивались необычно тревожными взглядами. Айша заметила, как мать прислушивается к тому, что происходит за дверью, и иногда задерживает взгляд на улице дольше обычного. Даже мальчишки во дворе не играли так громко, внимательнее следили за каждым шагом стражи у городских ворот. По переулкам ползли шёпоты: фараон что-то приказал, люди в масках обходят дома, спрашивают — нет ли здесь особенной девочки, с меткой змеи.

Мать знала: в этот день за ними придут. Кто-то донёс слух — если в квартале не выдадут Айшу, фараон не пощадит никого. Даже разговаривать об этом матери было больно; от одной мысли пальцы покрывались потом — будь у неё хоть какая-то другая надежда, она бы боролась, но...

Айша не понимала, почему мать собирает вещи молча и почему в её движениях столько тревоги.

— Мама, — прошептала она, — почему ты сегодня такая чужая?

Мать остановилась у окна, тяжело выдохнула. Она долго смотрела на ладонь, в которой держала — прижимая к сердцу — амулет. То самое украшение-змею, которое только особые женщины этого рода носили всю жизнь.

— Подойди ко мне, — тихо сказала она и опустилась, чтобы быть на одном уровне с дочерью. — Сегодня мне нужно, чтобы ты очень хорошо меня слушалась.

Айша подошла ближе. Мать развернула амулет: золоти-

стая змея, пронзительно холодная, с чуть замкнутым кольцом.

— Посмотри на меня, — попросила она. Айша подняла глаза. Сейчас в лице матери скрывалась тревога такого сорта, какую нельзя было объяснить словами.

— Этот амулет держит то, что есть в тебе... и во мне. Не только защищает, Айша. Он сдерживает то, что внутри тебя, чтобы оно не вырвалось, не причинило беды — тебе или людям рядом. Иногда ты чувствуешь, будто внутри становится холодно, — это тьма, что хочет проснуться без спроса.

— Он опасный? — Айша с удивлением ощутила тяжесть и дрожь в ладони.

— Он становится опасным, если ты перестанешь любить. Если позволишь страху стать главным. Своей любовью ты делаешь его сильным, а своим страхом — наоборот, слабишь замок. Обещай, что не отпустишь его ни при каких обстоятельствах, — мать сжала её ладонь вместе с амулетом. — Если заберут — держи крепко. Верь мне. Даже если будет страшно, даже если накажут... Это сдержит проклятье.

Мать присела на корточки и заглянула дочери в глаза, чтобы сказать самое главное.

— Прости меня, Айша... Сегодня они придут за тобой. Люди говорят, что если я не отдам тебя, они будут убивать всех, дом за домом, пока не найдут. Я делаю это только чтобы не пролилось больше крови. Всё, что могу — дать тебе мой последний совет и силу нашей семьи.

Айша крепко сжала амулет. Хотела крикнуть — «я хочу остаться», но ужас и растерянность сковали голос.

Из-за двери послышался топот — солдаты, чужие голоса, тяжёлый, как осенний ливень, звук.

Стук был решительным, как удар сердца. Мать не пыталась закрыть дверь или спорить с судьбой. Она обняла, поцеловала дочь, прошептав:

— Не дай змеиному сердцу проснуться в страхе. Только любовь сможет сдержать твою силу.

В комнату ворвались люди в масках, жрецы, стражники.

— По приказу фараона, девочка будет доставлена ко двору, — голос жреца был холоден и чужд.

Мать попыталась заслонить Айшу, но её оттолкнули. В последний миг она коснулась щеки дочери.

— Я люблю тебя, — шепнула она почти неслышно. — Не отпускай амулет...

Когда чужие руки подняли Айшу и вынесли из дома, она цеплялась за последнее тёплое прикосновение и ощущение металла — крохотную змею в кулаке.

Улица встретила её зноем и равнодушием. Вокруг толпились чужие лица — никто не решался смотреть прямо, но и никто не возразил, когда стража повела девочку к роскошной повозке.

Айша смотрела сквозь слёзы на мать, чья тёмная фигура таяла в дверях. С каждым шагом сердце будто обрастало новым холодом.

Её везли через пыльный город, сквозь ряды стражников. Амулет в ладони то холодел, то жёг кожу — как будто внутри него, глубоко, ворочалась живая змея, настороженная и готовая к броску.

У стен дворца воздух стал глухим, словно весь Мемфис вдруг сжался во внутреннем напряжении, почувствовал — сейчас решается что-то особое. Её встретили жрецы, провели под роскошными воротами по каменным залам, завитым курильным дымом.

В тронном зале ждал фараон. Он был неподвижен, как изваяние, и в глаза его нельзя было смотреть долго — в них светились и тьма, и усталость, и какое-то весеннее безумие.

— Подойди ближе, — велел он, и Айша встала перед ним, хоть колени предательски дрожали.

— Отдай мне то, что держишь в руке, — потребовал фараон.

В этот миг в девочке впервые за всю жизнь взбунтовалась обида — за мать, за дом, за свободу, за страх, за жаркую, пыльную родную жизнь, которая исчезла. На миг что-то внутри её треснуло. Айша стиснула амулет — и воздух в зале словно стал тяжелее, затрепетал, лампы на стенах заиграли неровными отблесками, колонны тронули тени.

Мгновение — и дрожь прокатилась по мрамору, даже охранники отшатнулись, а по руке фараона пробежал невидимый холодок. Лёгкая вибрация будто прошла сквозь стены, а все жрецы побледнели.

— Достаточно! — рывкнул фараон, с трудом скрывая собственную тревогу. — Запереть её в башне! Жрецам — начертать на стенах защитные знаки! Пусть лучшие служители Уаджет здесь же останутся до утра!

— Сделать всё, чтобы сила не вырвалась, — шёпотом добавил советник.

— Пусть стены станут ей тюрьмой, пока я не найду способ завладеть этой силой, — с упрямством и почти злобой бросил фараон, не спуская с Айши глаз.

Айшу вывели из зала. По коридорам, где уже чертили охрой и золотой пастой змеиные узоры, её вели — через слёзы, страх, но с несломленной гордостью. В последний раз она посмотрела на застывшую фигуру фараона — и увидела: он боится её не меньше, чем жаждет её силы.

— Я всё равно найду способ заполучить этот дар, — глухо сказал он вслед, и его голос, казалось, проникал даже через каменные стены.

Айшу заперли в башне. За простой дверью, под слоями магических символов, она впервые осталась совершенно одна, только с тёплым пульсом амулета и непонятной силой, что ждала своего часа.